

Т.Н. Колокольцева

Волгоградский государственный
педагогический университет

Культура диалогического общения (реплики-реакции в диалоге)

Современная языковая ситуация и проблемы культуры речи

В современном коммуникативном пространстве роль диалогического общения оказывается все более и более значимой. Не будет преувеличением сказать, что для русского языка конца XX – начала XXI в. характерна экспансия диалога. Ее причины лежат, с одной стороны, в плоскости общественно-политических явлений (демократизация всех сфер жизни), с другой стороны, предопределяются имманентными свойствами данной формы речи.

Диалог активно исследовался и исследуется во многих аспектах в рамках целого ряда научных дисциплин (лингвистика, риторика, литературоведение, философия, психология). Для культуры речи диалогическое общение — это чрезвычайно значимый объект. Е. М. Лазуткина в данной связи подчеркивает следующее: «Феномен диалога, уникального процесса коммуникативного взаимодействия, представляет центральный аспект исследований по культуре речи...» (Лазуткина 1996: 73). Представляется, что высказанное суждение, несомненно справедливое в плане оценки значимости диалогической речи, является скорее заявкой на будущее, чем характеристикой реального положения дел, ибо изучение диалога с позиций культуры речи только начинается (Ермакова, Земская 1993; Паршина 1993; Лазуткина 1998).

Под диалогом в работе понимается форма активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик. При этом один из субъектов может носить интегрированный, полимодальный характер, т.е. быть представленным группой лиц. Диалог противопоставляется другим формам речевого взаимодействия как форма наиболее конструктивная и максимально гибкая.

Диалогическая речь, являющаяся наиболее естественным и органичным

воплощением коммуникативной функции языка, представляет особый интерес для культуры речи. Именно в диалоге в первую очередь проявляется уровень языковой компетентности и речевой культуры каждого конкретного индивида. Прежде всего в рамках диалогического общения получают реальное и наиболее явственное воплощение так называемые коммуникативные нормы русского языка. Диалог, в отличие от монолога, прямо и непосредственно ориентирован на конкретный коммуникативный результат, а достижение эффективности общения является конечной целью культуры речи (Лазуткина 1996: 13).

Исследование культуры диалогической речи многомерно. С одной стороны, оно предполагает обращение к целому ряду проблем, актуальных при характеристике любых реализаций языка (анализ соблюдения всех типов норм — языковых, коммуникативных, этических; выявление специфики использования языковых средств) (Там же).

С другой стороны, исследование диалогической речи невозможно без рассмотрения вопросов, непосредственно связанных со спецификой данной формы речевого взаимодействия: сопоставление диалогических дискурсов разных типов с целью выявления присущих им коммуникативных норм; оценка прагматической эффективности конкретных диалогов; изучение условий достижения необходимого коммуникативного результата и др.

Мы исходим из того, что инвариантом речевого поведения является «поиск общего языка» (Винокур 1993: 60—61), а идеалом диалогического взаимодействия — гармоничное общение, направленное на достижение коммуникативного согласия. Поэтому отнюдь не случайным считаем появление у лексемы «диалог» нового значения, которое в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под ред. Г.Н. Складневской формулируется следующим образом: **ДИАЛОГ** 1. Взаимопонимание и взаимодействие (с. 210).

Процесс достижения взаимопонимания, безусловно, не является легким. Он требует от участников коммуникации известных интеллектуальных, психологических и речевых усилий. В процессе согласования личностных позиций и коммуникативных намерений общающихся трудно переоценить роль второго участника диалога, к

которому направлена конкретная реплика. На значимость позиции адресата неоднократно обращалось внимание (Бахтин 1979; Арутюнова 1981, 1998). Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, пойти на уступку или перейти в наступление, выполнить просьбу или отказать. Эти и другие типы высказываний соответствуют вторым репликам диалога» (Арутюнова 1998: 661).

Именно в позиции второй реплики диалога (реплики-реакции) формируется класс коммуникативных единиц, ориентированных прежде всего на выражение модуса, являющихся его концентрированным воплощением. Такие высказывания обозначаются лингвистами по-разному: релятивы, коммуникативы, сентенсоиды, фразоиды, слова-предложения и др. Они представляют собой непредикативные коммуникативные единицы, состоящие из неполнозначных (дискурсивных) компонентов или десемантизированных полнозначных (*Да; Конечно; Разумеется; Не говори (-те); Нет; Да нет; Неужели? Ну и что? То есть (как)?* и под.). В самом общем виде значение релятивов обычно формулируется как «реакция на слова собеседника или ситуацию» (Валимова 1967; Сиротина 1974).

Релятивы — необходимый и важный инструмент интерперсонального взаимодействия. Являясь выражением обратной связи в диалоге, передавая разнообразные модусные значения субъективной сферы адресата, релятивы тем самым выполняют регулятивные функции, направленные на согласование коммуникативных стратегий и тактик собеседников.

Гармоничный диалог предполагает следующее: 1) согласованность стратегий и тактик собеседников; 2) взаимоприемлемую для коммуникантов тональность общения; 3) искреннюю (а не показную) заинтересованность в предмете обсуждения, а также в содержании сказанного собеседником; 4) адекватное вербальное и невербальное воплощение коммуникативных установок участников диалога; 5) достижение в процессе речевого акта хотя бы частичного взаимопонимания и согласия сторон.

Следует отметить, что большинство релятивов ориентировано именно на гармоничное коммуникативное взаимодействие. Наиболее явно с ним связаны показатели

согласия (*Да; Конечно; Не говори (-те); Разумеется; Безусловно* и под.) и вторичные релятивы, возникшие на базе аксиологических высказываний с позитивно-оценочной семантикой (*Хорошо! Чудесно! Замечательно! Славно!* и пр.). Например:

(Об известном лингвисте Б.А. Ларине)

— Б. *А кроме того он ведь индологом был// Он ездил в Индию/ — А. Ларин? — Б. Да// — А. Да/ ну конечно// Как же// Еще бы// Очень широкие горизонты у него были/ и поэтому вот/ поэтому скажем вот такой научный подвиг/ как вот эти древние...Мм... Записи древние/ разговорники-то которые он/ — Б. Да// Все... поднял и истолковал// — Б. Да/ ну конечно// (со с.29).*

Репертуар релятивов сравнительно невелик: количество наиболее частотных единиц не превышает ста. Носители языка в подавляющем большинстве уверенно владеют правилами использования подобных высказываний и не испытывают затруднений при их употреблении. Однако отдельные нарушения при выборе анализируемых коммуникативных единиц все-таки встречаются. В нашем материале зафиксированы случаи ненормативного использования релятива *Хорошо* и окказиональных коммуникативных единиц *Абсолютно* и *Обязательно*.

Релятив *Хорошо* и его модификации выражают в диалогической речи инвариантное значение согласия, приятия (высказывания или ситуации), а зачастую также и одобрения услышанного сообщения или существующего положения дел. В структуре разговорных диалогов выступают как реакции на реплики-стимулы, передающие сообщения или волеизъявления, т.е. включающие повествовательные и побудительные высказывания. Например:

— В. *Оленька/ иди/ кофе остывает// — Б. Хорошо/ сейчас//; (А. разговаривал по телефону) — Д. Это кто? (= звонил) — А. Люда// Она возможно зайдет вечером// Вот и хорошо//.*

Генетически релятив *Хорошо* восходит к предикативу, выражающему положительную оценку. Несмотря на произошедшую десемантизацию, релятив сохраняет следы аксиологического значения, что накладывает определенный отпечаток на его употребление. Следует иметь в виду, что никогда не исключается возможность понимания релятива адресатом именно как аксиологического высказывания, выражающего положительную оценку. Поэтому

использование *Хорошо* является неуместным в тех случаях, когда в реплике-стимуле содержится некая информация, несовместимая с позитивной оценкой. В подобных контекстах возможно употребление *Ладно*, но недопустимо *Хорошо*. Например: — *Мам/ ты знаешь/ я сегодня потеряла зонтик// — Хорошо/ не расстраивайся// Купим новый тебе на 8 Марта// — А где Н.? — Она болеет// — Хорошо// (спохватываясь, что ее неверно поймут) То есть это, конечно, плохо/ пусть скорее выздоравливает//.*

Подобные случаи употребления *Хорошо* появляются в силу высокой степени автоматизма устной речи, а также по причине отсутствия времени на тщательное предварительное продумывание высказывания.

В непринужденных диалогах зафиксированы также неоправданные замены релятива *Конечно* на высказывания *Абсолютно* и *Обязательно*:

а) — *В. Подписка в этом году ужасно дорогая// — Н. Абсолютно// «Комсомолка» под тысячу (= стоит около тысячи рублей);*

б) *(В трамвае) А. Надя/ ты пробила талоны? Б. Обязательно// А то контролеры так и ходят/ штрафанут еще//.*

Подобные явления отмечены в диалогической речи говорящих, которые, согласно классификации О.Б. Сиротининой и В.Е. Гольдина, являются представителями среднелитературной, литературно-разговорной и фамильярно-разговорной речевых культур в пределах литературного языка, а также носителями просторечия и связанной с ним просторечной речевой культуры (Гольдин, Сиротина 1993).

Хотя отдельные носители языка воспринимают *Абсолютно* и *Обязательно* как функциональные синонимы релятива *Конечно*, однако на самом деле такой синонимии не существует. Семантика релятива *Конечно*, выступающего в качестве отдельной реагирующей реплики, может быть сформулирована следующим образом: *Вы предполагаете Р, и я совершенно с вами согласен* (Шмелева 1995).

Лексемы *абсолютно* и *обязательно* не формируют в русском языке стандартных респонсивных высказываний, что связано с семантикой данных компонентов и их сочетаемостью. Значение слова *абсолютно*, по данным МАС, «совершенно, совсем» (МАС, 1:19). Лексема может выступать в качестве реплики-реакции в ограниченном числе контекстов. Она должна

характеризовать пропозицию (обозначенную в препозитивном контексте), предикат которой передает действие, состояние или признак, способные выражаться с разной степенью интенсивности. При этом позиция обстоятельственного распространителя, выражающего меру, степень, не должна быть замещена. Например: (О строителях) *А. Что-то они не торопятся// Б. Абсолютно// Третий месяц возятся здесь//.*

Лексема *обязательно*, имеющая значение «во что бы то ни стало, непременно» (МАС, 2: 582), не сочетается с пропозициями, передающими модальность осуществившегося события, реального факта, поскольку данное слово целиком ориентировано на характеристику будущих или гипотетических действий. Нарушение этого ограничения неизбежно приводит к речевой ошибке. Например:

— *[...] В театр я как-то припоздала. Раньше надо было, а сейчас не пойду, осточертела мне эта напряженка* (из интервью Н. Мордюковой корреспонденту газеты «Комсомольская правда»).

— *А зовут? — Обязательно. Андрей Гончаров, Олег Ефремов — трижды, Арцибашев... «Нету,— говорю,— у меня сил будильник заводит, чтобы на репетиции бегать»* (КП. 21.04.99. С.8).

Таким образом, понятие культуры диалогической речи многомерно и складывается из целого ряда составляющих. С одной стороны, это соблюдение всех типов норм — языковых, коммуникативных, этических; целесообразный и ситуативно уместный выбор языковых средств. С другой стороны, это культура согласования смысловых позиций, связанных с каждым из коммуникантов.

В построении диалога важную роль играют такие единицы речи, как релятивы. Данные высказывания, ориентированные в основном на выражение модусных значений, представляют собой необходимый и важный инструмент диалогического взаимодействия, направленный на координирование коммуникативных стратегий и тактик собеседников, а в конечном счете на осуществление важнейшей цели диалога — достижение взаимопонимания и согласия.

Литература

Лазуткина Е. М. Культура речи среди других лингвистических дисциплин //

Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Ермакова О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Паршина О. Н. Культура речи преподавателя (на материале профессионального диалога) / О. Н. Паршина // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. Саратов, 1993. Вып. 25.

Лазуткина Е. М. Культура разговорной речи / Е. М. Лазуткина // Культура русской речи: учеб. для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М., 1998.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. М., 1993.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской; ИЛИ РАН. СПб., 1998. С. 210.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 245—247, 275.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // ИАН СЛЯ. 1981. Т. 40. № 4. С. 356—367.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М., 1998. С. 660—668.

Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском языке / Г. В. Валимова. Ростов н/Д., 1967.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. М., 1974.

Гольдин В. Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. Саратов, 1993. Вып. 25.

Шмелева Т. В. Диалогичность модуля / Т. В. Шмелева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1995. № 5. С. 150.

Словарь русского языка: в 4 т. М., 1985—1988.